

От автора: Спасибо за ожидание. Надеюсь, вы сможете почувствовать атмосферу праздника.

Вокруг буйным цветом раскинулась зелень, повсюду, на деревьях и в траве, всюду стрекотали насекомые. Даже в комнате было очень тепло просто находиться. Я довольно мерзлявый, поэтому обычно не потею всегда и везде, в отличие от господина Чедда и господина Годы, но температура поднялась настолько, что даже я стал немного покрываться потом. Тем не менее, я носил рубашки с длинным рукавом. Также выходя нужно было одевать шляпу, простую или соломенную. Если я долго находился под прямыми солнечными лучами, кожа начинала гореть. И краснела.

И чего она такая нежная? Девушка я, что ли? Раздражает. Как закалить кожу? Сидеть в ванне на выносливость?.. В обжигающе горячей воде... нет, подождите-ка, так я просто пропарю кожу. Ну, это, конечно, было той ещё головной болью, но об этом можно подумать и позже. Я просто хотел сказать, что... в Лейс пришло лето.

Несмотря на жару, семеро наемных рабочих всё так же, как раньше, усердно работали, обливаясь потом. Благодаря этому работы по созданию ловушек «Святая вода» для третьей линии защиты от демонов споро двигались. «Святая вода» не требовала таких усилий и подготовки, как возведение забора, так что, если имелись материалы, провести сами работы проще простого. Хоть это и называлось работой, нужно было просто закопать, расставить или развесить сосуды с водой по периметру. В последнее время, по мере следования плану обороны, мне, как помощнику наместника, стали поручать больше работы.

Я был рад, потому что это было доказательством признания, однако... поручений становилось так много... что проявлялись небольшие затруднения. Стало труднее рассчитать время, которое я мог уделить на работы, связанные с планом обороны деревни. Тем не менее, я всё ещё хотел отдавать приоритет защите деревни, поэтому занимаюсь ей в первую очередь, а в остальное время занимаюсь другими обязанностями, плотно утрамбовывая их, словно фигурки в тетрисе.

Вот так, словно у меня и без того не было дел по горло, в этом году события сыпались, как из рога изобилия, особенно летом. И первое из этих событий... празднование трехсотлетия деревни. Этот год являлся памятным, ознаменовавшим, что прошло триста лет с прекрасного момента основания деревни Лейс. И, в дополнение к этому... в то же время планировалось провести фестиваль в честь Оуэнов, чтобы отметить двухсотлетие прекрасного (?) перехода деревни под управление нашей семьи.

Помимо этих двух праздников... будет проводиться молебен в честь летнего урожая... что-то вроде местного летнего фестиваля. Одновременно провести сразу три запланированных праздника?.. Минуточку, это слишком много, один из них лучше перенести... Или я один так считал?

Я вскользь упомянул об этом, но... Похоже, среди жителей деревни много суеверных людей,

мне с жаром ответили, что праздник надо отмечать только в день праздника, иначе всё бессмысленно. А мои легкомысленные отец и брат сказали: «Если провести один праздник вместо трёх, то придется меньше потратиться, разве не замечательно?»...

Лоэндель, являвшийся моей последней надеждой, тоже сказал следующее: «Этот день точно выпадает на дату встречи всех богинь (аналог в этом мире дня, когда удача сопутствует во всём), а в следующие три дня нельзя преподносить богам вино, поэтому потом празднования лучше не проводить»... Лоэндель, как и мой дедушка, с большой осторожностью относился к дням, сулившим неудачу... Так что мне пришлось отказаться от идеи перенести праздник.

Таким образом, семейство Оуэн, включая Лоэнделя, и жители деревни находились в постоянном движении, чтобы подготовиться к этим событиям. Хоть все и говорили, что очень заняты, похоже, все были довольны. Ну, праздники — это и вправду весело.

Следовательно... у меня и сегодня было по крышечку работы, связанной с приготовлениями. Сегодня после полудня у меня запланировано обсудить и договориться с людьми, которые будут открывать прилавки на фестивале, обсудить материалы и места расположения прилавков, проверить, как шло строительство сцены на площади, согласовать с оркестром песни, которые будут звучать на церемонии, уведомить и подтвердить имеющиеся изменения... Меня не на шутку придавило.

Что касается отца и старшего брата, они с самого утра думали над деталями церемонии и поздравительными речами в начале, середине и конце... при этом они непривычно серьёзно морщили лбы, иногда тяжело вздыхая. Потому как на праздник должен был приехать не только дедушка, но и высокое начальство из столицы... так что нельзя было работать спустя рукава. А ещё будут люди из королевской семьи, также вероятно прибудет множество рыцарей, похоже, людей действительно соберётся много.

«И зачем все собрались приехать на праздник в какой-то деревне в глуши?!» — с бледными лицами, полуплача, вздыхали и жаловались отец и брат Лиана. Они продолжали плакать и спрашивать «Почему же, почему?», но я и сам ведь не знал! Откуда бы? Мне и самому интересно узнать. Почему? Им заняться нечем, что ли? Что ж, в этом, конечно, ничего хорошего не было, но и поделать с этим ничего нельзя.

Короче говоря... жители деревни хлопотали, и, к тому же, на праздник приедет множество посторонних. Скорее всего... нет, определенно... это будет очень и очень грандиозный, шумный, цветущий и оживленный фестиваль.

Фестиваль, достойный украшать финал арки стартовой деревни... Верно. Когда праздник закончится...

Я опустил взгляд на дневник с заметками, служивший мне с того самого момента, как я взял его в руки. Когда я небрежно перелистывал страницы, выяснилось, что исписал уже намного больше половины листов. И со стороны было видно, что чистых страниц становилось всё меньше. Убедившись в этом, я... Медленно закрыв дневник, я осторожно огладил тканевую

обложку, в некоторых местах потертую, выцветшую и покрытую грязью.

Письменный стол, второй ящик сверху. Я аккуратно положил дневник на привычное место, осторожно закрыл ящик. И запер на ключ.

Так как у меня появилось немного свободного времени, я решил заехать в церковь, чтобы передохнуть и выпить чашечку чая, если у Мари тоже был перерыв. А там... под высокими деревьями конической формы, стоявшими по обе стороны от главного входа в церковь и похожими на пихту, всюду веселились Эфа и малыши. В руках они держали жёлтые и белые ленты, а ещё раскрашенные деревянные звёзды и круги. Наверное, украшения для деревьев.

К дереву была прислонена лестница. Эфа, счастливо смеясь, поднимала в руках самодельные звёзды вместе с белыми и жёлтыми лентами. Их принимал юноша наверху лестницы. Такой же, как девушка... светловолосый и голубоглазый. Это было похоже на сцену из западного фильма, которую я как будто где-то уже видел. Я, засмотревшись, застыл у ворот и не мог пошевелиться. И вздохнул, вспомнив. В этой истории была такая сцена.

Сцена, где главный герой и девушка развешивали украшения перед праздником. Это была очень идиллическая, нежная и красивая картина, согревающая сердца зрителей. Вот так всё и должно было быть...

Я знал это. Знал это, но... Понимал, что изменил всю историю, но всё же... Мне сказали, что я тоже могу выбирать. И я взял его за руку.

Как сам однажды сказал ему... я последовал за своим сердцем.

Верно... Я на самом деле... совсем не хотел её отпускать или уступать. Эту тёплую руку. Как взрослый мужчина, я собирался, сохраняя лицо, хладнокровно и вежливо отступить в сторону, оставив всё этой девушке. Я собирался, но... в глубине души я не смог сдаться. В нерешительности я метался между тем, что должно было быть, моими истинными желаниями и гордостью... И, возможно, мои настоящие чувства... для этого пронцательного парня были видны насквозь.

Поэтому на глазах у всех, в том числе у девушки... словами «Ты тоже можешь выбирать», чтобы дошло до меня и до любого, он вынудил меня принять решение. Не отворачиваться от правды и решить прямо здесь...

Небесного цвета глаза юноши обратились в мою сторону. Взглянув на меня, он радостно прищурился и улыбнулся. Позвал меня по имени и, ухватившись руками за лестницу, мгновенно оказался на земле и тут же побежал сюда.

— Лиан. Что такое?

— А...

Не сумев сразу ответить, я поднял на него взгляд. Тот задумчиво склонил голову.

— Лиан?

— Н-нет, ничего такого. Немного свободного времени, вот и решил заглянуть. А... ты?

— Мари попросила меня привезти яйца, молоко и изюм. Похоже, это ингредиенты для праздничного пудинга.

— Пудинга...

Кстати говоря... Мари, закатывая рукава и пылая яблочными щеками, говорила, что в церкви будут угощать посетителей пудингом с сушеным виноградом. Кроме того, она собиралась сделать праздничное печенье из зерна деревни Лейс, чтобы раздавать всем желающим.

Девушка и малыши, выкрикивая моё имя, всей гурьбой весело помчались в нашу сторону.

— Точно! Нужно сделать много, чтобы как можно больше людей смогли попробовать!

— Дя!

— Эхе-хе, все будут делать вместе!

— Вместе!

Они радостно прыгали, смеялись и говорили словно запыхавшись.

— Господин Альфред приехал прямо тогда, когда мы начали украшать дерево... и очень помог! На самом деле он нас просто спас!

Альфред удивленно уставился на Эфу, а потом тяжело вздохнул.

— Она пыталась залезть на дерево в этой одежде.

— Что?! Так и было?

Когда я посмотрел на Эфу, та подняла на меня глаза и, мгновенно покраснев, начала говорить, размахивая руками.

— П-потому что иначе украсить не получится! Да и в таком виде уж на дерево-то я забраться смогу! Я так уже делала! Это легко!

Со щеками почти такими же красными, как у Мари, Эфа уперла руки в бока и нервно фыркнула.

— Легко?

— Да!

Вот как?

— Но не стоит лазать по деревьям в юбке. Нужно было надеть штаны, прежде чем лезть вверх. Если бы она зацепилась, это могло быть опасно.

— Д-да... мне очень жаль...

Даже если на тебе чулки, всё равно плохо, если кто-то увидит, что под юбкой. Потому что мало ли какой прохожий негодяй захочет заглянуть под юбку. После этих слов, немного грубоватых, но искренних, девушка опустила голову — брови нахмурены, плечи опущены, руки прижаты к груди. Она была так расстроена, что мне пришлось погладить её по голове, как ребёнка. Тогда она подняла глаза и робко улыбнулась.

Да... Как и ожидалось от девушки, которая была номером один среди тех, кого пользователи хотели бы назвать младшей сестренкой. Даже я этого хотел.

— Отныне буду осторожнее!

— Да. Будь осторожнее. Чтобы не пораниться.

— Да!

Малыши, не особо разобравшиеся в ситуации, на перебой стали обещать, что тоже будут осторожными. Так что... я подумал, что должен поступить так же, как перед этим сделал с Эфой, и погладил малышей по головам. Ну, потому что это приятно. Когда мне так делали, я тоже радовался и был готов стараться дальше. Малышня так же, как и Эфа, смущенно улыбалась, так что, думаю, мои действия были верны.

Внезапно меня схватили за руку и потянули назад. Обернувшись, я увидел угрюмого блондина, слегка прищурившего глаза.

— Альфред?

— Эфа... разве вы не занимались украшением?

— А! Т-точно!.. Господин Альфред, спасибо за помощь! Господин Лиан, пожалуйста, проходите и отдохните! Ребята, продолжаем украшать. Есть ещё много мест, которые нужно украсить!

— Да!

— Да-а!

— Да-а-а!

Эфа и малыши, радостно поднявшие руки, поспешно бросились обратно к подножию дерева. Я провожал их взглядом, когда ко мне приблизил лицо светловолосый.

— Эй... Тебя точно не нужно охранять в день фестиваля?

— Да... Всё нормально. У семьи Чедда ведь тоже будет свой прилавок, так? Лучше помоги там.

Похоже, господин Чедда и господин Года собирались продавать на площади яблочный сидр, сыр, идеально подходящий для закуски, и питьевой йогурт. Уверен, у них не будет отбоя от покупателей. Молоки и сыр с фермы Чедда и яблочный сидр из садов Года очень вкусные и весьма популярны в деревне. К тому же... это ведь долгожданный фестиваль. Я хотел, чтобы Альфред провёл его с семьей. Ведь это был первый праздник для Альфреда и троицы малышей, который они отметят в новой семье.

Альфред продолжал всматриваться в моё лицо и вздохнул так, словно хотел что-то мне сказать.

— Слушай... а что ты собираешься делать, когда закончится церемония?

— Я? Я... буду вместе с отцом и семьей ходить и приветствовать гостей... А потом... наверное, свободен...

— Вот как? Тогда... когда закончишь, подходи к нашему прилавку. Посмотрим на фестиваль вместе.

Когда я поднял взгляд, он улыбался мне. Сцена, где мы с Альфредом счастливо гуляем по

торговым рядам, нарисовалась в голове, и немного подавленное настроение приподнялось. А затем, понемногу, улучшилось до радостного.

— Угу...

Когда я, улыбнувшись, кивнул, тот радостно прищурился. Альфред будто что-то вспомнил, поднял взгляд, словно в задумчивости коснувшись пальцами подбородка, а потом снова посмотрел на меня.

— Эй...

— М? Что?

— Какой у тебя любимый цвет?..

— Цвет?

Ну и вопросы у тебя.

— Ладно тебе, говори уже.

— Дай подумать...

Дарующий спокойствие цвет свежей зеленой травы, на которую можно упасть. Цвет плывущих мягких облаков. Цвет румяных щек Мари, от которого становится теплее на душе. А ещё...

Когда я поднял глаза, блондин чрезвычайно серьезно смотрел на меня сверху вниз.

Цвет этих глаз. Мой самый любимый...

— Небесно-голубой.

— Небесно-голубой? Ты про синий?

Парень поднял взгляд к небу, а потом снова посмотрел на меня. Сегодня была замечательная погода. Всюду, куда дотягивался взгляд, раскинулось прекрасное голубое небо. Везде.

— Угу.

Я улыбнулся и размашисто кивнул.

— Ясно.

Альфред, улыбнувшись, кивнул в ответ. И рисуясь прошептал, оглаживая кончиками пальцев кожу вокруг моих глаз, что ему очень нравится их цвет, напоминающий первую утреннюю росу. Я с полузакрытыми глазами ответил одним словом: «Дура-ак». Вот блин. Паршивец, ты младше меня, хорош флиртовать, как взрослый.

А потом... Заметив, как ко мне опускаются чужие губы, я... немного приподнял лицо и прикрыл глаза.

В день фестиваля погода была просто идеальна для проведения мероприятий на свежем воздухе. По голубому небу плыло достаточно пушистых облаков, защищавшие от яркого солнечного света, солнце светило и грело по-летнему, но время от времени задувавший ветерок был прохладным. Самая праздничная погода.

При температуре, от которой медленно покрываешься потом даже просто стоя... я всё равно носил рубашку с длинными рукавами. Лоэндель подготовил для меня официальный костюм из тонкой ткани, похожей на конопляную. На первый взгляд она кажется очень плотной, но так как воздух свободно проникал сквозь ткань, в ней было приятно прохладно. Однако цвет... это был костюм не в черно-белых тонах, сродни тем, что носили отец и брат, а в светло-голубых. И это не давало покоя, кстати говоря. На воротнике и манжетах мягкой белой нитью были вышиты витиеватые узоры из плюща и цветов, без излишней вычурности. Безусловно, цвет ткани и дизайн на вид были весьма хороши и дороги, однако... Это было немного... Я, естественно, подумал, что это чересчур и сказал, что мне сойдет такой же монотонный плотный костюм, что и у отца и брата... мне ответили, что цвет ткани моего костюма практически не пропускает солнечные лучи, к тому же она максимально мягкая и прохладная, и даже если носить её долго, невозможно почувствовать дискомфорт.

После таких слов... не осталось другого выбора, кроме как его надеть, верно? Потому что меня ждало долгое стояние на ногах и выматывающий нервы обход гостей, во время которого от начала и до конца на лице должна сиять улыбка... Нужно было свести к минимуму накапливающийся в разуме и теле стресс, и постараться как можно дольше быть в тонусе. Следовательно, это был не тот случай, когда стоило переживать о цвете костюма.

Даже если рубашка ужасно отделана рюшами, нельзя об этом задумываться! Кстати говоря, почему это оборки только на моей рубашке?! У остальных рубашки вида «чем проще, тем лучше»!!!

Нет, это одежда, которую подготовил для меня Лоэндель... Я не буду жаловаться... Угх... Сомнения, которые вызывало это платье... то есть размышления я выбросил из головы и решительно поднял взгляд.

Над огромной деревенской площадью, на пологом холме, покрытом зеленью... я мог видеть, как на установленной там трибуне начал приветственную церемонию отец Лиана, с которого рекой тёк пот. Что касалось меня, то я стоял у края сцены вместе с матерью и старшим братом Лиана... Время от времени отец поглядывал в нашу сторону слезящимися глазами, а мы взглядами и жестами подбадривали его, мол, всё будет хорошо, ты сможешь, ты справишься, если мужик, то иди до конца. Что ж, от выступления перед таким количеством людей определенно коленки дрожат. Потому как я второй сын, то избежал необходимости произносить речь. В самом деле был спасен.

Посреди деревенской площади стояла статуя первого лорда Оуэна, с поднятой головой, горделивой осанкой и голубем на руке... то есть голубкой, и улыбаясь в лучах солнца. При этом живые голубки сидели у него на плечах и голове. Почему-то казалось, что сегодня он улыбался веселее, чем обычно.

Я пристально оглядел площадь. Сбоку от сцены оркестр, приглашенный из столицы, играл какую-то размеренную мелодию. По центру пустела круглая площадка, по краям украшенная множеством цветов. Когда церемония начала празднования закончится, она станет танцевальной площадкой для гостей и жителей деревни. Танец деревни Лейс, очень похожий на танец бон*, должен был исполняться первым. Это очень радостный и веселый танец, где танцоры в круге меняются местами, кружатся, хлопают в ладоши и подпрыгивают. Он очень популярен у малышей, так что они и меня научили, всё показав.

На цветущей летними полевыми цветами площади собрались не только семья Оуэн и их приближенные, не только жители деревни... но и множество людей из близлежащих городов и деревень. Собралось так много людей... что их было попросту не счесть. Конечно, Мари, Эфа и малыши тоже были среди них. Когда наши взгляды пересеклись, я помахал им рукой, а они, счастливо подпрыгивая, замахали мне в ответ.

Неподалеку нашёлся и Альфред. Он изогнул бровь, как бы говоря «Ну, ты там постарайся», а потом улыбнулся и помахал, высоко подняв руку. Рядом с блондином стояли супруги Чедда с тройняшками. Они тоже улыбались и махали руками. Громадный господин Чедда посадил малышей на плечи, так что их было хорошо видно откуда угодно.

Около них были люди из яблоневого сада Годы. Им было так хорошо, что они слишком уж весело подскакивали. И лица были покрасне-... они что, уже пить начали?! Эй! Я тоже хотел бы выпить поскорее.

Перед ними стояла злобная троица — Джайд, Джарно и Снэй вместе со своими семьями. Когда наши взгляды встретились, они, покраснев до кончиков ушей, замахали руками. В отличие от семейства Года и иже с ними, не думаю, что эти ребята пили... Может, дело в жаре? Они ведь тоже были в парадных костюмах.

Также я нашел и великолепную семерку... в смысле, наёмных рабочих. Встретившись с ними глазами, я улыбнулся и склонил голову, в ответ они высоко подняли кулаки и лихо улыбнулись.

На краю поля зрения мелькнуло несколько подозрительных... то есть благообразных человек в рясах, как у монахов, с капюшонами и белой вышивкой. Когда я встретился с ними глазами... Они начали молиться, сложив руки, и на глазах у них блестели слезы. Вероятнее всего... это были люди из Церкви.

Вы, конечно, имели право прийти, но, пожалуйста, ведите себя спокойно. И нечего на меня молиться. Прекратите. Иначе отправитесь домой!

Интересно, смог ли я взглядом донести до них эту мысль?

Они поспешно сложили руки и несколько раз глубоко поклонились. Вот же...

Я решил посмотреть на что-нибудь другое, чтобы успокоиться. Бывшие одноклассники из деревенской и городской школ, ребята, что учились в младших классах, старшие товарищи... Я даже учителей нашёл. На подготовленном для знатных гостей специальном возвышении с ковровой дорожкой за столом сидели родные и близкие семьи Оуэн — дедушка с приближенными, семья Люзе и другие. За самыми роскошными столами сидели специально приехавшее из столицы начальство, а также несколько высокопоставленных персон. Между этими столиками ходил Лоэндель с серебряным подносом, подавая еду и напитки в элегантной и изящной манере, одновременно быстро отдавая приказания служанкам. Его способ наполнения бокалов вином тоже выглядел первоклассно. Надеюсь, в следующий раз он и меня научит.

За последним столиком... Я заметил наставника и, видимо, его друзей; они полностью проигнорировали произносимую речь и уже начали есть и выпивать.

А ну стоп. Да эти стариканы полностью готовенькие! Можно было хотя до конца церемонии подождать!

Около столов для знатных гостей, охраняя родственников королевской семьи, стояли... очкастый капитан и рыцарь с усталым лицом. Когда наши взгляды встретились, они только пожали плечами, глянув на столы для знати, потом улыбнулись и кивнули. Там стояли... подумать только, бритоголовый и рыцарь-силач.

Альфред с недовольством заявил, что хоть рыцари и получили отказ, но до конца не отказались от мысли его завербовать, так что временами наведывались, чем доставляли проблем. Ну, он... до сих пор время от времени колотил посылаемых сюда рыцарей, которые искали драки. Не могу сказать, что желание заполучить в свои руки такой невероятный талант мне не понятно.

Недалеко от них было множество рыцарей — и тех, которых отправляли охранять деревню, и тех, кого я не знал. К тому же, оглянувшись, я заметил и многих других людей, заботившихся обо мне.

Вокруг площади выстроилось много прилавков. Даже пекарня и бакалейная лавка, в которых я

часто бывал в городе, тоже поставили свои навесы. И ребята из лавки сэндвичей. Попозже зайду к ним закупиться, их бутерброды со сметаной, медом и орехами просто восхитительны. Если не потороплюсь, всё сметут с прилавков.

Мы подготовили большое количество столов и скамей, ожидая наплыва людей, но и их оказалось недостаточно... народу пришло больше, чем мы представляли. Я конечно, не отец Лиана, но тоже не мог представить, что столько народу соберётся на праздник в маленькой деревеньке на западной окраине страны.

И... у всех на лицах сияли улыбки. Улыбались по-настоящему счастливо. И небо — повсеместно чистое и голубое. Напоследок я... посмотрел на запад. Прекрасный вид на покрытые зеленью горы. Пологие холмы, на которых цвели полевые цветы. Дома, вид которых по прошествии долгих лет даже стал приносить облегчение. Чистое озеро и ровная речная гладь. Колышущееся пшеничное поле. Коровы и овцы, что беззаботно паслись и спали на обширных пастбищах. Повсюду простирался красивый и мирный пейзаж. Куда ни посмотри.

И так будет всегда. Всегда всё останется вот так, мирно. В будущем ничего... ничего страшного не произойдёт.

Всегда. Хотел бы я, чтобы так продолжалось вечно... Однако на днях... Я подслушал разговор нескольких присланных рыцарей. Они говорили о том, что в последнее время... похоже, количество монстров на границе начало понемногу увеличиваться. Поэтому проводили реорганизацию и увеличение численности пограничных патрулей, один из них сильно переживал, что его другу не повезло и тот был среди тех, кого отправили в патруль.

Даже в такой мирной деревне, на самом деле... По сравнению с прошлым годом, количество запросов на усмирение взбесившихся монстров и диких зверей, разорвавших поля... увеличилось. Это напоминало легкую тень, которая надвигалась медленно и незаметно... Но, с другой стороны, волнения в западной и южной державах... начали утихать. Хотя они всё ещё пребывали в состоянии конфликта... судя по всему, количество атак с запада, постоянно развязывающего войны, постепенно стало уменьшаться. Как только прекратятся атаки с запада, то и контратаки юга тоже остановятся. Это... само собой разумеется.

В последних газетах репортер писал, что из-за истощения, вызванного затяжным противостоянием, похоже, конфликт зашёл в тупик, и, по мнению писавшего, сейчас страны находились в состоянии временного перемирия. В народе тут и там появлялись мнения, что если так продолжится, то многолетняя война будет закончена и будет достигнуто перемирие.

Однако... В спокойные дни я почти забывал... о тревожных знаках, которые то появлялись, то исчезали. И каждый раз, когда я о них слышал или видел лично... заставлял меня осознавать, что развитие истории не следовало основному сюжету. Что все перипетии и повороты в арке начальной деревни... происходили на пути к «последней главе», которая была предreshена с самого начала.

Я сжал кулаки. И всё равно: я обещал всё изменить. Альфреду. И остальным. Поэтому,

обязательно... я постараюсь, чтобы это мирное время продолжалось.

Со всех сторон раздались аплодисменты. Похоже, выступление отца Лиана подошло к концу. Отец, истощенный и с облегчением на лице, вернулся на подкашивающихся ногах; его сменял нервничавший брат, который неловким жестом пихнул мне в руки лист с речью, который он до того читал. Так как он надтреснувшим голосом сказал «Я п-п-п-пошёл», я с улыбкой пожелал ему постараться изо всех сил и ободряюще похлопал по спине. Удачи, брат.

Снова обратив взгляд на площадь, я увидел, как за толпой... Альфред разговаривал с Эфой. Словно... в знакомой мне по сюжету сцене. Я сжал рубашку на груди, в которой поселилась непонятная боль. Он... в тот раз... он выбрал меня. Не то чтобы я не верил тем словам. Я верил. Он не из тех, кто стал бы лгать. Он даже поклялся не лгать, но... Я... Слишком не уверен в себе, слишком напуган, слишком... жалок.

Я опустил взгляд и вздохнул.

Пришлось вместе с отцом встречать гостей, а дедушке, начальству и членам королевского семейства — подавать обед... точнее отобедать вместе с ними. Дед вынудил меня сесть рядом с ним и мне пришлось выдержать сексуальные домогательства. «Не стесняйся, садись ко мне на колени» — это уже не домогательство, а повод для заявления в полицию!

И, наконец, когда небо уже начало темнеть, я оказался свободен. Отец Лиана развлекал гостей и начальников, мама сидела с подругами в исключительно женском обществе, а старший братец всё не мог вырваться из общества окружавших его леди. Когда я, будучи совершенно измотанным, поднялся из-за стола и сказал, что ненадолго отойду, подошёл Лоэндель и сказал, чтобы я сделал перерыв. Это избавило меня от кошмара бесконечного гостеприимства.

Спасибо-о-о-о! Спасибо, Лоэндель! Как и ожидалось от самого талантливого дворецкого! Нет, ты просто мой спаситель! После фестиваля, когда закончишь с уборкой, я заварю тебе твой любимый чай и помассирую плечи!

Я снял куртку от церемониального костюма, надел соломенную шляпу с широкими полями и скрылся в толпе, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из знакомых... Я направился к прилавку господина Чедда, где должен был быть Альфред. А то здесь было полно людей, любивших почесать языками, стоило избегать подобных встреч.

Сегодняшний фестиваль должен был продлиться до ночного фейерверка. Судя по цвету неба, сейчас были только сумерки... так что у меня имелось достаточно времени, чтобы поглазеть на прилавки.

На месте оказалось, что, как и ожидалось, прилавки господ Чедда и Года пользовались большим успехом. Когда я подошел к прилавку со служебного входа, Альфред как раз вносил туда огромный жестяной бидон молока. Стоило окликнуть, как парень поднял голову и с улыбкой посмотрел на меня.

— Лиан, ты закончил?

— Что-то вроде. Лоэндель сказал, что я могу передохнуть. Так что я смог покинуть это увеселительное мероприятие.

Альфред рассмеялся моему шутливому тону.

— Что насчёт тебя?

— Я тоже собирался отдохнуть, после того как закончу с этим.

Альфред на ходу окликнул господина Чедда и, перекинувшись с ним парой слов, вернулся ко мне. Господин Чедда и остальные с улыбкой повернулись в мою сторону и помахали руками. Трое малышей, похоже, устали играть и крепко спали, прижавшись друг к другу на постеленном под деревом покрывале.

— Господин Чедда сказал, что поток клиентов уже поутих, так что я могу быть свободен, — с этими словами блондин ухватил меня за запястье.

— Вот как...

Я взглянул на супругов Чедда — те сжимали кулаки, оттопырив большие пальцы вверх и, широко улыбаясь, кивали. У этой парочки были одинаковые жесты. Идеально синхронизированные. Они замахали руками на нас, как бы говоря: «Ну же, поторопитесь». И хотя поток клиентов поутих, он не остановился. Сколько я смотрел, посетители шли один за другим, так что... похоже, нам сделали одолжение. Я испытывал и чувство вины, и чувство благодарности. Когда я поклонился, они опять широко улыбнулись и отрицательно замахали руками и головами.

— Идём, Лиан.

— Ах, да.

Меня потянули за запястье и я вышел в торговые ряды. Мы остановились у прилавка Мари и остальных, чтобы поесть пудинг, зашли в тир, побывали в навесе, где нужно было кидать кольца, в сувенирную лавку и магазин сэндвичей, а также во многие другие киоски. Было очень весело. По дороге мы встретили злобную троицу и вместе обошли несколько магазинов, пока родители их не позвали. После окончания школы и начала взрослой жизни эти ребята, по-моему, очень изменились. Их речи и поведение стали спокойнее, и они больше не пытались высмеять Альфреда или развязать драку, как раньше. «Кто бы мог подумать, что Альфред станет телохранителем господина Лиана, мир и правда непостижим!» — веселились они. И я был с этим согласен. Мир действительно непостижим.

Потому что изначально, в этот момент, на этом месте... рядом с Альфредом... должна была находиться Эфа. Я не знал, куда приведёт измененный сюжет. Бывало, что ночами мне немного не по себе... И всё же... Я не жалел.

Вдруг я осознал, что солнце начало садиться. Уже почти идеально круглая луна поднималась на востоке, небо окрашивалось в тёмно-синий. На площади и над торговыми рядами начали один за другим зажигаться фонари с мягким светом.

— Темнеет... Наверное, скоро начнется фейерверк.

— Точно. Тогда нужно найти место, откуда их будет хорошо видно...

Сказав это, Альфред потянул меня за руку. Я кивнул и пошёл туда, куда меня тянули.

Покинув торговые ряды, он подозвал Труэно, большого вороного коня, свободно пасшегося у края площади под деревом... мы забрались на него верхом и поскакали на вершину холма. Конь шёл галопом, и я засомневался, не слишком ли далеко мы отъехали. Но когда предложил остановиться где-то здесь, Альфред ответил, что нужно проскакать ещё немного. Конечно, на холме, в отдалении от площади, точно не будет мешать толпа и фейерверк будет хорошо видно, но... если отъехать слишком далеко, то фейерверк будет казаться маленьким. Я удивлялся, сколько ещё ехать, но так как был всего лишь пассажиром, у меня не было другого выбора, кроме как ехать.

Наконец, парень позади меня остановил коня и спешился... на холме, откуда фестивальные огни едва виднелись. При нас не было фонарей, но благодаря свету полной луны темно не было. Вокруг было очень, очень светло. Меня наконец-то сняли с лошади. Я хотел было честно сказать, что это всё-таки далековато... Я обернулся, поднял взгляд на блондина, и...

Тот смотрел на меня сверху вниз с напряженным лицом, и его окружала мрачная атмосфера. Редко, по-настоящему редко его таким увидишь.

— Ал?.. — Что случилось? Я не мог понять, почему тот так нервничал, поэтому позвал его по имени, склонив голову набок.

Небесного цвета глаза медленно закрылись и открылись. Затем он что-то достал из нагрудного кармана рубашки.

— Потому что уже готово... Лучше всего дарить в праздник. Так сказала Мари. Таким образом можно получить благословение. Так что... Сегодня самый лучший из возможных дней.

— А?

О чём он?

Я снова посмотрел на него, склонив голову. Всё ещё нервничая, тот наконец-то улыбнулся. Затем вытянул передо мной руку, ладонью вверх... и медленно разжал её.

— Что? А...

Я опустил взгляд на большую ладонь. На ней лежали два подвеса. Тонкая белая нить сплеталась в тщательно продуманный узор. К концу каждой нити... было привязано по голубому камню в форме капли. Прекрасные камни, цветом напоминавшие раскинувшееся всюду лазурное небо. Парень взял один из них обеими руками и повесил мне на шею. Сияющий камень небесного цвета отражал свет даже под ночным небом. Альфред осторожно, с благоговением поймал подвес и тихонько поцеловал камушек. Как нечто очень драгоценное и любимое.

— Ах...

Наконец, я понял... что это значило. Это... То, что мечтательно обсуждали девочки в школе, алая щеками. А потом такое же украшение показала мне пара рабочих, счастливо и немного смущенно. Это означало разделение пополам будущих радостей и горестей... Красивый камень делился на две половины и обрабатывался, после чего каждая часть доставалась одному из пары. А также белоснежного цвета... цвета чистого света, излучаемого Богиней, цвета истинной правды... нить. Эта сплетенная из нескольких слоев нить... означала, что пара всегда будет оставаться вместе, рядом друг с другом.

Украшение, которое получалось в результате, было символом обещания... прежде чем поклясться перед Богиней.

Это...

— Ты хочешь отдать его мне?..

Парень поднял лицо и с улыбкой кивнул.

— Да.

Что это значит? Я этого не знал. Никогда бы не подумал, что такое может произойти. Никто не мог подумать. Потому что...

В оригинальной истории такого события в день праздника не происходило. Я был счастлив, мне было грустно, в то же время я был сбит с толку, растерян, но всё-таки счастлив. И я перестал понимать, что мне делать. Когда я поднял взгляд, в голове у меня была полная сумятица. Блондин смотрел на меня сверху вниз с обеспокоенной улыбкой...

— Ты и правда много плачешь... — произнес он это слегка устало.

— Не говори ерунды... Я не плачу.

Стоило мне ответить, как он расхохотался. Этот ублюдок! Чего смешного?! Не над чем тут ржать!

— Вот как? Если он тебе не нужен, можешь вернуть...

Я вцепился в камушек обеими руками, отступив назад и помотав головой.

— Н-нужен!

Я снова осознал... как велика разница между тем, когда на руках есть вещественное доказательство чувств и когда его нет. И как велика мощь этих доказательств, настолько, что беспокойство, которое я испытывал до этого... просто как ветром сдуло.

— Тогда... Поможешь мне тоже надеть?

Сказав это, он протянул мне оставшийся кулон. Я дрожащими руками принял его и, вытянув руки, повесил на шею блондина. После этого так же, как и он, нежно поцеловал небесно-голубой камень. Он должен был сиять, но перед глазами всё плыло и было плохо видно, так что я как бы невзначай потер глаза тыльной стороной ладони... она стала влажной, но я сделал вид, что ничего подобного не было. Парень хохотал так, что у него плечи тряслись, когда он положил ладони мне на плечи.

Моего лба коснулись губы. Я удивленно поднял взгляд. Он выглядел невероятно счастливым... на лице блуждала улыбка. Я успел подумать, что он снова наклонился, и в этот раз его губы опустились на мои. Мягко и нежно. Теплое прикосновение, несшее в себе облегчение. Я хотел, чтобы он повторил, так что закрыл глаза.

Губы опустились снова. Я расслабился и принял это тепло.

Прежде чем я это осознал, поле зрения заволочло белым.

Что?..

Точно... Посмотрев на фейерверк с Альфредом, я вернулся на площадь, чтобы помочь с уборкой... Лозндэль спросил у Альфреда, может ли он поработать сегодня на временной основе, потому как в особняк Оуэнов прибыло множество гостей и у нас не хватало охраны. Альфред поговорил с семьёй Чедда и отправился в особняк вместе со мной. Потом...

Куда ни посмотри, сверху и снизу, везде белым-бело. Повсюду, куда хватало взгляда, разлилось бесконечно белое пространство. Посреди этого таинственного белоснежного пространства... была белая малышка, сидевшая, поджав колени к груди. Маленькие симпатичные крылышки у неё за спиной хлопали как-то бессильно... Даже печально.

Увидев это, я тихонько вздохнул. Вот же.

— Госпожа Богиня...

Когда я её позвал, голова и спина с крылышками испуганно вздрогнули. Затем она вскинула голову, и, когда мы встретились взглядом, её глаза сузились, а ротик скривился. В уголках вишневых очей начали собираться слёзы.

— Господин Осака...

И так маленькое на вид тело, сотрясавшееся от рыданий, казалось, стало ещё меньше, когда она села прямо и склонилась. Во время этого движения небольшая голова... не коснулась пола, но ещё немного и ударилась бы о него.

— П-прости... Прости!..

Глядя на отчаянно извинявшуюся малышку, совсем крохотную и сильно дрожавшую... я снова вздохнул. Медленно подошёл и опустился перед ней на одно колено.

— Госпожа Богиня... Вы наконец-то пришли повидаться со мной?

Услышав, как я вздыхаю, она подумала, что я буду сейчас её обвинять во всех грехах? Ну... не то чтобы мне не хотелось этого сделать. Хотелось... Было и правда ужасно, невыносимо тяжело. Сейчас возможность вернуться к прежней жизни всё ещё казалась мне сном.

Уши и щёки Богини, видневшиеся сквозь её белоснежные волосы, мгновенно побледнели, потом покраснели, а её маленькое тельце снова дёрнулось и затряслось. Даже маленькие крылышки дрожали. Пушинки и искры света тоже дрожали и падали.

— П-п-прости... Прости меня!.. Го-господин Осака... мне правда, правда очень жаль!.. Я-я хотела с-сразу же извиниться! Но была уверена, что ты сердисься, но я ни за что не хотела, чтобы господин Осака исчез... Я совсем этого не хотела, но подумала, что ты меня точно возненавидишь... я сожалела, я боялась встречи, мне было страшно, но я должна была поскорее извиниться, но ноги и крылья отказывались двигаться, я злилась и ругала такую жалкую себя... и когда решила, что вот теперь точно извинюсь... Меня вызвал небесный экзаменатор и сказал, что я в личных целях использовала «Божественную силу» без необходимости и за это получу значительный вычет по баллам, это было предупреждение, что я могу провалить экзамен, хотела извиниться поскорее, а вместо этого получила выговор... в

смысле, поучительную беседу, которая затянулась надолго, на очень-очень долго, я правда не находила себе места... Хотела извиниться как можно скорее, но разговор всё не заканчивался... И я больше не знала, что делать, конечно, это правда, что я допустила ошибку, он был прав, и я раскаивалась, так что я... Я...

Хм... Если кое-как подвести итог бессвязным, запутанным, расстроенным речам Богини, которые ещё нужно было разобрать сквозь рыдания... Сразу после того, как она решилась извиниться передо мной, её вызвал человек, кто наблюдал за божественным экзаменом... Или, точнее, Бог? Не совсем уверен, но, похоже, именно он. И... кажется, он провёл довольно долгую беседу.

Ну, думаю, это имело смысл, так что с этим ничего не поделаешь.

Но вызвать в разгар экзамена и долго давать указания... А этот экзаменатор, похоже, хороший человек... точнее, он хороший Бог. После того как я услышал эту историю, мне показалось, что он беспокоился о Богине и пытался как-то помочь ей пройти экзамен. И потом... я понял, что несмотря на страх, что я её отругаю по самое не балуй, а её ноги и крылья не слушались, она всё равно хотела поскорее извиниться. Богиня раньше уже говорила, что течение времени на поверхности и на небесах различно или вроде того... Пока она выслушивала нотации, времени в мире, где я находился, проходило всё больше и больше, поэтому извинения так запоздали... Это я тоже понял.

Вот же.

— Госпожа Богиня... Я понимаю, что вы беспокоились обо мне, но... те методы были немного перебором...

Когда я сказал это, она рывком подняла голову. Выражение лица у неё было такое, словно её ударило молнией — глаза и рот были широко раскрыты и подрагивали, кожа была бледной почти до синевы, кроме того по всему лицу были размазаны слёзы с соплями вперемешку.

— Угх, у-у-у... П-прости-и-и-и...

В этот раз её лицо стало свекольно-красным, уголки губ и бровей были опущены, повсюду были размазаны слезы, сопли и, кажется, пот, лицо было грязным и липким до такой степени, что выглядело жалко... «Ну и ну», — подумал я, глядя на такое зареванное выражение... и всё-таки тихонько прыснул от смеха.

— Вот же... В самом деле, держите себя в руках. Вы же Богиня, так?

— Н-но!.. Я ведь... Я ведь... я...

Когда я вытер её лицо рукавом, Богиня зашлась в всхлипах. Из огромных вишнёвых глаз одна

за другой катились крупные слёзы.

— Я была готова к тому, что господин О-Осака рассердится и отругает меня при встрече! Но, но... я была такой жалкой, такое натворила... Боялась встречи лицом к лицу... Думала, что меня не-ненавидят...

— Госпожа Богиня...

Ну, зная, что тебя будут ругать... нужно довольно много мужества и решимости, чтобы встретиться. Тем более в ситуации, когда собеседник очень рассержен.

Маленькие белые ручки с силой вытерли слёзы.

— В тот раз, господин Осака отчитал меня... и очень сердился... и я, наконец, поняла. Я правда, правда очень жалкая. Я не хотела, чтобы господин Осака погиб, и хотела хоть как-то помочь... «Шёпот» о моём необдуманном и неосуществимом желании коснулся многих людей. В результате я причинила неудобства не только господину Осаке... но и господину Альфреду и многим другим людям... Подобное... Я провалилась в качестве Богини. Ничего удивительного в том, что я постоянно проваливаюсь на экзамене по повышению...

Я снова вздохнул перед Богиней, закрывшей лицо руками и горько рыдавшей. Ну, действительно... Неудобства... и правда имели место быть.

— Это... Вы просто переживали за меня. Я знаю, что вы очень обо мне беспокоитесь... Я счастлив и благодарен.

— Г-господин Осака!..

— Однако больше так не делайте.

Богиня судорожно закивала.

— Ко-конечно! Я больше не стану так поступать! Я правда очень сожалею!..

— Пожалуйста.

— Да!

Продолжая плакать, она выпрямилась по струнке и энергично закивала, заставив меня снова вздохнуть. Ну и ну. Похоже, она действительно раскаивалась в содеянном...

Внезапно огромные вишнёвые глаза уставились на меня. Но смотрела она не на моё лицо... взгляд был направлен немного ниже, в область шеи. Большие глаза были широко распахнуты, а рот приоткрылся в форме буквы «О», она выглядела очень удивленной. Я не совсем понял... На что она смотрела?

— Что такое?..

Я на автомате задал вопрос, и она наконец посмотрела мне в глаза. А потом... на её лице расцвела улыбка. И щёки стали почти такого же вишнёвого цвета, как глаза. Она как-то счастливо прищурилась, а глаза чуть увлажнились.

— Госпожа Богиня?

— Что же это творится?.. Значит, будущий герой выбрал тебя.

— Э?

Маленький белый пальчик плавно поднялся и указал на меня. В область груди. Глянув вниз, на простую белую рубашку... я наткнулся взглядом на подаренный блондином кулон с камнем небесно-голубого цвета.

— Ах... От этого прекрасного лазурного камня... Я ощущаю очень тёплые чувства к тебе...

— Угх, э?! Подождите секунду, вы даже такое знаете?!

Богиня почему-то очень радостно и самоуверенно ответила согласием.

— Иногда вещи, в которые вложили сильные чувства, следуют за душой...

— Вот как?..

— Именно так. В этом прекрасном лазурном камне... сосредоточены теплые чувства... и сильное желание защищать тебя...

— Чувства и желание...

На самом деле, я тоже молился, чтобы для него продолжались дни, полный улыбок, а также чтобы в путешествиях его сопровождал путеводный свет и благословение... В таком случае... Даже если мы будем разлучены... Я смогу быть с тобой рядом? Хотя бы чувствами. Вместе...

Богиня снова уставилась на мою грудь и вздохнула, почему-то с заметным облегчением.

— Ах... Он тоже дорожит и хочет защитить господина Осаку... Я так рада...

Нет, это нехорошо. Меня последние пару минут так и бросало в пот. Потому что...

— Го-госпожа Богиня... Э-это... Это...

У меня не появилось сразу объяснения, каким образом это произошло, поэтому я отчаянно пытался заставить работать мозги, которые, казалось, зависли от смятения.

Богиня посмотрела на меня и улыбнулась.

— Хе-хе... Господин Альфред выглядел очень счастливым и умиротворенным, когда был рядом с господином Осакой. Увидев это, я подумала, что, возможно... в конце концов, всё именно так и оказалось. Как же это замечательно...

Нет, подождите-ка. В этом ведь не было ничего хорошего. Так? Ведь это изменило весь первоначальный сюжет. Возможно... да нет, конечно, изменило коренным образом.

Когда я сказал об этом... Богиня только покачала головой.

— Нет. Всё хорошо. Это нормально. Как я и сказала в самом начале, поступай так, как считаешь нужным. Этот мир не обязательно должен повторять первоначальную историю.

Даже если история не будет совпадать...

— Вы уверены?..

Богиня с улыбкой кивнула.

— Да. Мир, который я создала... это копия с первоначального мира... Так что вовсе не обязательно должен копировать оригинал. Наконец, я тоже это осознала. Как и то, что было ошибкой в первую очередь пытаться следовать оригиналу. Как и сказал господин Осака... Сердце человека — сложная штука, и на него может повлиять любая мелочь, так что даже при идентичных обстоятельствах не факт, что люди будут мыслить и действовать одинаково...

Это верно. Получается, даже Бог был не в состоянии предсказать веления человеческого сердца. Эта область... может являться одной из трудностей при сотворении мира. Для меня, как для обычного человека, создание мира было чем-то необъятным.

— К тому же... Если господин Осака всегда будет рядом... я уверена, что в этот раз... Будущий герой...

Последние слова были слишком тихими, так что я не расслышал. Склонив голову и глядя вниз, она поспешно замахала руками, будто говоря, что это было не важно.

— Ничего такого! Так что... Ты волен делать что пожелаешь, господин Осака. Пожалуйста... Продолжай любить господина Альфреда...

— Ува?! Л-любить...

Когда это говорит другой человек... в смысле, Богиня... Мне очень хотелось сбежать!..

Пока я пребывал в полной растерянности, Богиня улыбнулась и, мощно взмахнув маленькими крылышками, мягко поднялась в воздух. Затем, посмотрев на меня, нежно прищурилась и мягко рассмеялась.

— Хе-хе. Тогда я... постараюсь сделать всё, что сейчас в моих силах.

Я тоже улыбнулся в ответ, сумев подавить панику. Лицо горело, но не должно было покраснеть. Наверное. Пожалуйста.

— Вот как?.. Я тоже приложу все силы... чтобы я и все в деревне выжили....

Личико Богини на мгновение сморщилось, словно она собиралась заплакать, но она потерла его обеими руками и снова улыбнулась.

— Да. Пожалуйста. Пообещай, что постараешься сделать это.

— Хорошо. Я обещаю. Давайте сделаем всё возможное. Мы оба.

— Да! Мы оба приложим все усилия!

Мы кивнули друг другу. Она протянула мне маленькую руку, и я пожал её. Это было крепкое рукопожатие. Богиня взмахнула крыльями и поднялась ещё выше. И... коснулась моего лба губами. По крайней мере, я так почувствовал.

— Пусть путеводный свет озарит твой путь...

— Госпожа Богиня...

Когда я поднял взгляд, она мне улыбнулась.

Постепенно всё вокруг стало белоснежным и расплывчатым. В какой-то момент взгляд полностью заволокло белым.

Когда я проснулся в следующий раз, пейзаж вокруг не был полностью белым. Спиной ощущалось тепло и мягкость ткани. Очевидно, я... лежал на кровати. В поле зрения попал знакомый балдахин от кровати в моей спальне. Спокойных цветов опоры и закрывающая их светло-зелёная лёгкая ткань.

Внезапно я ощутил сбоку лёгкое тёплое дыхание. Повернувшись... я обнаружил спящего рядом блондина. Он снял обувь и верхнюю одежду, оставшись в брюках и рубашке. Судя по всему, он закончил ночное патрулирование и, сменившись, вернулся в мою комнату. В вырезе наполовину распахнутой рубахи, в свете луны и звёзд... переливался красивый голубой камушек. Я набросил половину одеяла на парня, который теперь был значительно больше меня, стараясь при этом не разбудить. И, осторожно наклонившись, несколько раз огладил пальцем камень небесного цвета. Потом прижался к чужой груди. У него всё ещё была такая же высокая температура тела, как у детей, а ещё он пах солнцем.

Прислушиваясь к приятному, мерному сердцебиению, я медленно закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/12848/1132199>